

Е.С. Галкина

СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИИ И ПУТИ НАЦИОНАЛИЗМА В ИРАНЕ

Предпринимается попытка анализа диалектических связей между формированием иранской нации, трансформациями идеологии и политической системы в Иране. В результате ряда экономических, политических и социокультурных причин официальный светский «арийский» национализм потерпел крах, и в настоящее время иранское национал-строительство более успешно продолжается в рамках религиозно-национальной идеологии.

Иран, идеология, ислам, национализм, XX век.

Национализм формируется вместе с нацией и является ее неотъемлемой характеристикой. Но какие формы он будет приобретать – гражданско-правовую, этнокультурную, религиозную – зависит от комплекса факторов, среди которых культурная традиция и ментальность играют далеко не ведущую роль. Особенно очевидно это в полиэтничных государствах, где нации проходят ту или иную стадию формирования и где фактически вместе с нацией появляется новый этнос.

Этот процесс может быть прерван с распадом государства, а может проходить через разные формы национализма, как это происходило в Иране – стране с очень непростым этническим составом, которая за XX век несколько раз меняла политическую систему. Причем последний ее вариант настолько непонятен носителям культуры буржуазной демократии, что западные и российские аналитики порой кардинально ошибаются в прогнозах. Со стороны создается впечатление, что эта тоталитарная теократия нежизнеспособна в современном мире и должна скоро рухнуть. Но Исламская Республика Иран успешно выживает и набирает международный вес в сложных условиях, когда немалая доля ресурсов и политической воли крупнейшей экономики мира направлена на дестабилизацию Ирана. Даже такие вопросы, как существует ли в этой стране нация и, тем более, демократия, не имеют очевидных ответов, не говоря уже о специфике становления этих исторических явлений.

По оценкам справочника «CIA – The World Factbook» по состоянию на июль 2010 года, в Иране проживало 76 923 300 человек¹. Из них 51 процент составляют персы, 24 – азербайджанцы, 8 – гилянцы и мазендеранцы, 7 – курды, 3 – арабы, по 2 процента – луры, белуджи, туркмены и 1 процент – остальные народы. При этом персоязычных, то есть говорящих на фарси и диалектах, лишь 58 про-

¹ Iran // CIA – The World Factbook. URL : <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (дата обращения: 14.01.2011).

центров населения, остальные используют тюркские языки, курдский, арабский, лурский и пр. Уже эти данные казалось бы свидетельствуют о том, что этнонационализм в Иране на любом уровне обречен быть антигосударственным движением, поскольку население полиэтнично и численность восьми этносов превышает 1 миллион. При этом Исламская Республика представляет собой шиитское теократическое государство, в котором мусульмане составляют 98 процентов, из них шиитами являются 90 процентов граждан, остальные – сунниты. В соседних с Ираном исламских государствах, кроме Турции, господствует суннитская доктрина, где основная масса населения – арабы. Исключение составляет Ирак с шиитским большинством среди этнических арабов. В других государствах, от Ливана до Саудовской Аравии, имеется влиятельное шиитское меньшинство.

Национализм – дитя Нового времени, как индустриализация, нация и капитализм, без которых эта идеология никогда бы не появилась. В Иране процесс кристаллизации националистических идей начался в XIX веке. Это столетие стало для страны эпохой ускоряющегося сползания средневековой феодальной монархии в воронку экономической глобализации, чему способствовали Британия и Франция. Так, уже в 1801 году Фатх Али-шах подписал с английским правительством договор, по которому подданные короны получали право свободно селиться в иранских портах, ряд товаров освобождался от ввозных пошлин, а в случае нападения Наполеона на Индию Иран должен был послать свои войска в Афганистан. К 1841 году эти небольшие преференции превратились в договор об экстерриториальности подданных империи и освобождении от внутренних иранских пошлин всех их товаров, а ввозная пошлина опустилась до 5 процентов. Через несколько лет подобные права получили в порядке политики лавирования и баланса сил Франция, Австро-Венгрия, Голландия, в 1856 году аналогичный договор о дружбе и торговле был подписан с США. Россия получила подобные привилегии еще по Туркманчайскому мирному договору 1828 года.

Великие державы, прежде всего Англия, предоставляли правительству Каджаров субсидии и займы, оказывали поддержку в подавлении восстаний бабидов, получая взамен новые концессии, строили телеграф. Во второй половине XIX века организовали Шахиншахский (имперский) банк Персии, который взял под контроль монетный двор шаха, монополизировали с разрешения шаха судоходство на единственной в стране судоходной реке и запретили строить железные дороги.

Система государственного управления и армия пришли в упадок настолько, что к концу XIX века созданный под руководством русских офицеров казачий полк был самой боеспособной частью иранской армии. Позже этот успешный опыт получил свое дальнейшее развитие со стороны приглашенных австрийских, германских, итальянских, французских военных специалистов. Вскоре европейцы появились на высоких должностях и в центральных органах власти. Данная картина не вызвала одобрения местного населения, тем более что сопровождалась перераспределением в пользу европейцев феодальной собственности, ростом налогов и разорением ремесленников из-за поступления почты

беспошлинной иностранной фабричной продукции. Базис для национально-освободительной борьбы и национального строительства к концу века был сформирован.

Однако появление первых теоретических разработок на тему иранской идентичности произошло ранее, когда Иран еще не превратился в полуколонию и иранская интеллектуальная элита имела представление о том, что происходило в Европе в конце XVIII века, и знала об идеях и событиях, предвещавших и сопровождавших появление французского гражданского и немецкого «романтического» национализма. С опорой на средневековый патриотизм «Шах-намэ» Фирдоуси и «Зафар-намэ» Казвини горстка интеллектуалов (*ровшанфекран*), как правило европейски образованных, начала разработку идей национального единства, суверенитета и народа как субъекта политики (*шахрвандан*) взамен толпы-объекта (*райя*).

В европейских языках термин «нация», как показывает Л. Гринфельд, начал впервые использоваться в близком к современному значению в Англии XVI веке, а к концу XVIII – началу XIX века распространился по континентальной Европе². В персидском процесс превращения термина *меллат*³ в эквивалент европейской *нации* пришелся на XIX век и проходил в два этапа: сначала к словосочетанию «мусульманская *меллат*» (*меллат-е мосалман*) добавилось слово *Иран* (*меллат-е мосалман-е Иран*), а потом религиозная составляющая отпала, оставив «иранскую нацию» (*меллат-е Иран*).

Во второй половине XIX века в иранской печати уже употребляются термины «национальность» (*мелтйат*) и «националист» (*мелли*). Изменяется и значение слова «родина» (*ватан*), которое ранее употреблялось, как правило, для обозначения локального места рождения и проживания. Великий везир Амир Кабир, реформатор и просветитель, в период своей недолгой деятельности на высоком посту (1847–1851), пытавшийся ограничить западное вмешательство в дела страны, использовал термины «нация» и «родина» уже в их современном значении. В 1876 году начался выпуск двуязычной газеты «Ватан» на персидском и французском языках. В передовице первого номера этой газеты давалось определение патриотизма как высшей ценности⁴. В целом французская мысль оказала большое влияние на первые ростки иранского национализма. Так, литератор Мошир ад-Дауля (1828–1881) писал, что основы национального строительства предложены Францией: каждая нация (*меллат*) должна управляться людьми, к ней принадлежащими.

Во второй половине XIX века в Иране начала активно развиваться периодическая печать и сеть образовательных учреждений западного типа – от миссионерских школ до Политехнического университета и Школы политических наук, где преподавались курсы отечественной истории. Во всех странах и регионах это являлось одним из основных факторов формирования националистиче-

² Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2008.

³ Ранее употреблялся для обозначения религиозного сообщества, как правило, относившегося к мусульманам и *ахл ал-китаб* – народам Книги. В то время данное понятие распространялось не только на иудеев и христиан, как указано в Коране, но и на зороастрийцев. (См.: Vajda G. Ahl al-Kitab // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden, 2004. Vol. 1. P. 264.)

⁴ Ashraf A. Iranian Identity // Encyclopaedia Iranica. 2009. Vol. 13. P. 523.

ских движений, позволяющим распространять и воспроизводить «изобретенные традиции»⁵. Начали публиковаться также книги о парфянских (иранских) корнях правящей династии Каджаров, исследования о зороастризме, переиздавались труды Фирдоуси и Казвини⁶.

В этот период политического упадка и интеллектуального подъема появляются и первые идеологи иранского этнонационализма: литераторы и просветители Мирза Фатх Али Ахундзаде (1812–1878), Джалал ад-дин Мирза Каджар, один из младших сыновей Фатх Али-шаха, Мирза Ага Хан Кермани (1853–1896). Обеспокоенные упадком нации, они видели причины проблем в бесконтрольной и коррумпированной власти, в некомпетентности и несостоятельности правящих кругов, как светских, так и религиозных. Считая любовь к нации и родине имманентно присущей каждому человеку, духовной потребностью, они прославляли доисламскую державу и призывали очиститься от чужеродного налета, пришедшего вместе с исламом, включая арабские заимствования в языке⁷.

Все это определило идеологический фон Конституционной революции 1905–1911 годов, на котором иранская интеллигенция формулировала две ее основных цели: создание современного национального государства, которое способно отстоять свой суверенитет против западной экспансии, и формирование нации путем превращения толпы (*райя*) в сознательных и ответственных граждан, активных участников в политической жизни страны.

Идея *меллат-е Иран* объединяла все этнические и социальные группы страны вне зависимости от религиозной принадлежности, этнического происхождения или социального статуса. Показателен повод к началу восстания: 12 декабря 1905 года тегеранский генерал-губернатор приказал бить по пяткам нескольких купцов, которые не снизили цены на сахар, как он приказывал, между тем как купцы вообще не могли контролировать ценообразование, поскольку сахар в Персию поставляли иностранные компании⁸. Первыми на защиту купцов встали улама и базар (ремесленники и торговцы) – те силы, которые через семьдесят с лишним лет начнут новую революцию с очень схожей мотивацией.

Это было настоящее национально-освободительное и националистическое движение, которое к лету 1906 года охватило всю страну. Требовали ограничения власти шаха, увольнения непопулярных министров и учреждения парламента.

И если волнения 1905 года в Российской империи привели Николая II к паллиативу конституции – изданию знаменитого Манифеста 17 октября, то в Иране в 1906 году в результате событий Машрутинской революции в сентябре был создан меджлис, а 30 декабря уже утверждена шахом первая Конституция, которая существенно разрядила атмосферу в обществе, сохранила монархию и вплоть до 1979 года была основным источником права Ирана.

⁵ Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983. P. 2–14.

⁶ Ashraf A. Iranian Identity. P. 524.

⁷ Cole J. Marking Boundaries, Marking Time: The Iranian Past and the Construction of the Self by Qajar Thinkers // Iranian Studies 1996. N 29/1–2. P. 35–56 ; Kia M. Mirza Fath Ali Akhundzade and the Call for Modernization of Islamic World // Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 31. N 3, Jul. P. 422–448.

⁸ Kiddie N.R. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. Yale University Press, 2006. P. 67.

Этот документ был выработан в целом на основе конституций Франции и Бельгии. Изначально в тексте, подготовленном светскими националистами, не было статьи, которая бы утверждала приоритет какой-либо религии, но традиционно сильное шиитское духовенство, активно участвовавшее в революции, пролоббировало поправки, которые провозгласили официальный статус шиизма джафарицкого толка (статья 2 Конституции, а также дополнения к основному закону от 7 октября 1907 года, статьи 1–2), а «неверные» в той или иной мере в зависимости от исповедуемого ими культа были поражены в правах, получив, тем не менее, фиксированное представительство в меджлисе.

Что касается социально-политических итогов революции, то продвижение буржуазного парламентаризма шло тяжело. Династия Каджаров сохранилась, после двух разгонов меджлиса в 1911 году на смену прогрессивным либеральным этнонационалистам пришли консерваторы, экономические требования низших слоев ими не были выполнены, зато обретены политические права: провозглашено всеобщее избирательное право с имущественным цензом в 1000 туманов (ок. £200), за исключением женщин, иностранцев, лиц до 25 лет, военных и лиц с криминальным прошлым (статьи 2, 3 Избирательного закона от 9 сентября 1906 года), выборы были непрямыми, двухступенчатыми по куриальной системе.

Светские творцы конституционной монархии оказались не готовы к работе с массами избирателей в отличие от богословов, которые много сделали для поддержания авторитета меджлиса, разъясняя легитимность новой власти и ее решения в мечетях.

Широко вмешиваться в политику и занимать антиправительственную позицию на ранних стадиях конституционного движения духовенству позволяла свойственная шиизму доктрина имамата, согласно которой верховное руководство государством должно осуществляться силами шиитских богословов и правоведов⁹. Помимо этого, духовенство было единственной частью иранской элиты, знавшей, что происходит на базаре и в деревне и имевшей непосредственные рычаги влияния на низы. Обладая таким ресурсом, улама не возражали против предложенной светскими деятелями идеи конституционной монархии, если их влияние в обществе при новом строе как минимум сохранится, а в идеале усилится. Но поскольку революция победила под национальными лозунгами, духовенство должно было встроиться в этот дискурс, который постоянно напоминал о себе: концепт национального (*мелли*) присутствовал в названии учрежденной новой властью *Народного* банка (*Банк-е мелли*), *Народного* парламента (*Маджлес-е шура-йе мелли*), эпитетов *народных* героев. И религиозные лидеры сумели заслужить репутацию патриотов, поддерживая парламент и призывая к бойкоту иностранных товаров.

Консолидация общества происходила не только сверху, но и снизу: в ходе выборов 1906 года в Тебризе, столице Иранского Азербайджана, возник первый *анджоман* (общество, комитет) для народного наблюдения за выборами в пар-

⁹ Keddie N. Religion and Irreligion in Early Iranian Nationalism // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. N 3, Apr. P. 269.

ламент. Но после проведения выборов местные власти не смогли закрыть стихийно созданную организацию – горожане с оружием в руках встали на защиту своего «меджлиса», а в 1907 году анджоману фактически перешло управление городом. Вскоре подобные анджоманы-муниципалитеты появились в большинстве городов, и меджлису ничего не оставалось, как признать анджоманы законными народными представительствами, хотя и ограничив их компетенцию хозяйственной сферой. Кроме того, в свои народные (*мелли*) анджоманы объединялись и люди одной профессии (своего рода прообразы профсоюзов), этноса, религиозной группы и т.п. Свои анджоманы организовывали все социальные группы – от принцев дома Каджаров до рабов. Естественно, в таких условиях начинается и оформление политических движений самого разного толка, вплоть до социал-демократов, и поднимаются сепаратистские настроения от Иранского Азербайджана до территорий племен.

Выпустив джинна народной инициативы, правительство Мохаммада Алишаха, задыхавшееся от финансовых проблем и сжимавшегося кольца давления великих держав, не смогло найти иных методов контроля над ней, чем роспуск меджлиса, казни и политические убийства. При этом опору в борьбе против общества шах нашел вне страны – у Англии и России. В результате 31 августа 1907 года было подписано соглашение, которое разделяло Иран на британскую и российскую зоны влияния¹⁰. Далее шах осуществил государственный переворот – разгон парламента, который 23 июня 1908 года был проведен Персидской казачьей бригадой, одним из основных рычагов российского влияния в стране; генерал-губернатором Тегерана был назначен командир бригады полковник Ляхов¹¹. После этого национальное сопротивление сместилось в Иранский Азербайджан, где началось Тебризское восстание 1908–1909 годов. Уже сама локализация очага борьбы с шахом и империализмом свидетельствует о том, что этнонационализм существенно уступил позиции и под знаменами свободы и антиколониализма больше было перспектив у «гражданственных» дискурсов: патриотического социализма, объединявшего низы вне зависимости от этнической принадлежности, и национально-религиозной идеи исламского Ирана. В художественной культуре позднекаджарской эпохи, когда кабальные договоры с великими державами и Первая мировая война поставили страну на грань между полуколонией и колонией, развивается тема ностальгии по былому величию Персии, появляется множество исторических романов и пьес, прославляющих Ахеменидов и Сасанидов¹².

Опираясь на британскую помощь, каджарская монархия к началу 20-х годов сумела подавить антиправительственные выступления, но цена мнимого спокойствия была слишком высока. В результате реализации подписанного 9 августа 1919 года соглашения «О британской помощи для содействия прогрес-

¹⁰ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. : Госполитиздат, 1952. С. 386–389.

¹¹ Красняк О.А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России // 3-е научные чтения памяти профессора В.И. Бовыкина, 31 января 2007. М. : Изд-во МГУ, 2007. С. 9–10.

¹² Ashraf A. Iranian Identity. P. 525–526.

су и благополучию Персии» финансы Ирана и таможенные тарифы были пересмотрены в пользу Англии, главным военным советником, а фактически главнокомандующим страны был назначен англичанин. Фактически Иран становился британским протекторатом, что вызвало всеобщее возмущение. И если локальные очаги сопротивления в провинциях были купированы властями, то против похода на Тегеран полковника Реза-хана они оказались бессильны. Отряд Реза-хана шел под лозунгом «Правительство, которое не было бы игрушкой у иностранцев, и величие армии было бы знаменем его программы». Столица Иранского Азербайджана 21 февраля 1921 года сдалась без боя и правительство было низложено. В 1923 году молодой Султан Ахмад-шах, последний из династии Каджаров, был изгнан за границу, а через два года состоялось формальное свержение Каджаров.

Новым шахом 12 декабря 1925 года был провозглашен Реза-хан. Так сын мелкого землевладельца из провинции Мазандаран стал основателем династии Пехлеви. К древней парфянской династии Карен-Пехлеви он не имел отношения; решение принять это имя было первым камнем в фундаменте нового иранского национализма, который впервые стал официальной идеологией. Само слово *Пехлеви* возвращало иранцев к временам доисламского величия.

Начав укрепление центральной власти с жесткого разоружения и подчинения окраинных феодальных ханов, Реза-шах решил сцементировать общество «органической» и светской национальной идентичностью, собственной диктатурой, культом личности, модернизацией и экономической политикой в интересах верхушки городской буржуазии и крупных землевладельцев, многие из которых получили свои угодья из рук шаха после конфискации их у ханов-сепаратистов. Кочевые племена были принуждены к оседлости.

Демократическая традиция воспринималась шахом как разрушительная для Иранского государства, ведущая к анархии и сепаратизму. И Реза-шах сделал все возможное, чтобы светское демократическое движение не развилось в структуры, способные координировать действия на территории всего государства, то есть влиятельной левой или либеральной организации в Иране не возникло.

Не меньшее отторжение вызывало у Резы-шаха и духовенство, в период революции проявившее себя серьезной политической силой. Шах начал борьбу с клерикалами за массовое сознание. Единственным выходом виделась ему идеологическая и социально-психологическая секуляризация с использованием мифов и образов западного типа. В декабре 1928 года был издан указ, обязывающий всех, кроме лиц с богословским образованием, носить западную одежду, в том числе и обязательные шляпы для мужчин. Европейские шляпы с полями оскорбляли религиозные чувства мусульман, поскольку мешали касаться лбом земли во время молитвы¹³. Но еще более радикальным был указ от 7 января 1935 года о запрете хиджаба в общественных местах. Школьным учителям запрещалось входить в классы с покрытой головой.

Все это вызывало возмущение верующих, как и политика, направленная на «смещение полов»: открытие женщинам доступа на медицинские и юридиче-

¹³ Ervand A. A History of Modern Iran / Cambridge University Press. Cambridge, 2008. P. 93–94.

ские факультеты вузов, огромные штрафы для отелей, ресторанов, кинотеатров, куда не допускались женщины. Врачи получили право исследовать человеческие тела, в мечетях было предписано использовать стулья¹⁴. Ожидаемым результатом такой политики стала консолидация духовенства против шаха и начало антиправительственной агитации в мечетях¹⁵. В 1935 году в одной из главных шиитских святынь – мечети Имама Резы в Мешхеде, собралась толпа, обвинявшая правительство в ереси и коррупции. Местная полиция и армия отказывались войти в святыню, и лишь прибывшее из Иранского Азербайджана подкрепление решилось подавить мятеж¹⁶. Эта карательная акция знаменовала окончательный разрыв между шахом и шиитским духовенством. Ответом Резы-шаха на это восстание стал также запрет чадры и предписание всем подданным вне зависимости от их благосостояния обеспечить выход их жен на улицу без чадры.

В противовес шиизму Реза-шах попытался объединить нацию на основе этнонационализма по примеру германского. За развитием одного шах наблюдал с вниманием и симпатией, которые вскоре привели к тесному сотрудничеству с Берлином от политики и экономики до науки и культуры. Широко финансировались совместные проекты иранских и европейских ученых по исследованию доисламского Ирана. Формируется геополитический концепт государства Ахеменидов как «империи ариев», в которой берет начало современный Иран. Разработчиком данной идеи был не иранский, а немецкий исследователь – археолог и филолог Э.Э. Герцфельд. Итальянский исламовед А. Баусани весьма точно назвал эту идеологическую конструкцию «арийско-неоахеменидским национализмом»¹⁷.

В русле этой идеи в 1935 году шах потребовал изменения в западных языках официального названия страны «Персия» на «Иран». Арийское происхождение иранцев было закреплено в учебниках.

Вынужденный поворот во время Второй мировой войны в сторону Англии и США не привнес существенных изменений в национальную идею Ирана. Новый шах (с 1941 года) Мохаммад Реза Пехлеви в течение почти четырех десятилетий продолжал консолидировать иранскую нацию на базе известного слогана «Бог, шах, отечество» (*кода – шах – михан*). Была развернута широкая кампания по очищению фарси от арабских и иных заимствований¹⁸.

Иранская идентичность быстро распространялась по провинциям вместе с ростом уровня грамотности, урбанизации и возможностей коммуникации. Не менее важным было формирование общеиранского рынка, расширение социальной группы образованных, относительно обеспеченных горожан. Довольно большая

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Rajaei F. Islamic Values and World View: Farhang Khomeyni on Man, the State and International Politics. N.Y. : University Press of America, 1983. Vol. 13. P. 52.

¹⁶ Ervand A. A History of Modern Iran. P. 95.

¹⁷ Bausani A. The Persians; from the Earliest Days to the Twentieth Century. L. : Elek, 1971. P. 46.

¹⁸ Algar H., Khan M. Akhundzada and the Proposed Reform of the Arabic Alphabet // Middle Eastern Studies. 1969. N 5/2. P. 116–130.

часть интеллигенции приняла концепцию двадцати пяти веков Персидской империи как базиса иранской идентичности.

«Пехлевийская триада» по сути не оставляла места для стержневой идеи любого национализма – идеи *суверенного национального государства*. Национализм по существу своему демократичен и противоречит идее династической империи, потому что предполагает природное равенство людей одной нации вне зависимости от социального происхождения и безусловное право народа на политическое действие и власть.

В Иране же такое право имел лишь деспотический режим шаха, действовавший террористическими методами, а в последние десятилетия перед свержением – с опорой на спецслужбу САВАК (Организация информации и национальной безопасности Ирана) (1957–1979) и широкую систему доносов, с американскими военными советниками, с жесткой цензурой в области литературы и искусства. Основной целью этой структуры была борьба с внутренней оппозицией.

В 1957 году авторитарная власть создает себе псевдодемократическую ширму в виде двухпартийной системы, где сами названия вновь образованных партий говорили о направленности государственной идеологии. Проправительственную «Меллион» («Националисты») возглавил премьер-министр Манучехр Экбал, а лояльно-оппозиционную «Мардом» («Народ») – Амир Асадолла Алам, аристократ, крупный землевладелец и старинный друг шаха¹⁹. Одновременно, чтобы не допустить даже возможности превращения этой витрины в реальную политическую систему, в конституцию были внесены изменения, наделявшие шаха правом отлагательного вето, роспуска меджлиса и назначения премьер-министра.

Не лучшим образом обстояли дела и с суверенитетом страны. Год от года политика Пехлеви становилась все более проамериканской. Борьба иранских предпринимателей и правительства М. Мосаддыка (1951–1953) за национализацию нефтяной промышленности окончилась свержением премьера в результате государственного переворота, организованного ЦРУ²⁰. И если до начала 1950-х годов операции с нефтью были под контролем Англо-иранской нефтяной компании, то в 1954 году был образован Международный нефтяной консорциум, в котором участвовали 5 американских монополий: *Exxon Corporation*, *Chevron*, *Mobil Corporation*, *Gulf Oil Corporation*, *Texaco* (40 процентов акций), Англо-иранская нефтяная компания (40 процентов), *Royal Dutch Shell* (10 процентов) и *Compagnie Francaise de Petroles* (ныне – *Total*, 10 процентов). Формально консорциум обязывался отдавать Ирану 50 процентов прибыли, но в реальности доля не доходила

¹⁹ Kiddie N.R. *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*. P. 140.

²⁰ Mohammad Mosaddeq and the 1953 Coup in Iran / ed. by M.J. Gasiorowski, M. Byrne. Syracuse : N.Y. : Syracuse University Press, 2004 ; Kinzer S. *All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror*. N.Y. : John Wiley, 2003.

и до 30. Руководство консорциума не допускало иранцев в совет директоров и не позволяло иранским аудиторам проводить проверки ²¹.

В экономике последний шах проводил политику «открытых дверей» в основном в интересах США. В 1955 году был принят закон «О привлечении иностранных инвестиций», согласно которому иностранный капитал на 5 лет освобождался от налогов. В 1958 году были отменены все ограничения на деятельность иностранных банков. Этот курс официальными идеологами был назван «позитивным национализмом» ²².

С приходом к власти в США администрации Джона Кеннеди, а в Иране «технократического» правительства Али Амини начинается серия реформ, названная ее творцами «белой революцией», «революцией шаха и народа». Помощь «шаху и народу» в разработке и проведении реформ оказала американская миссия экономического сотрудничества. Это была программа комплексной модернизации экономики и социума, официальная цель которой – превратить Иран к концу XX века в пятую индустриальную державу мира. Проводилась революция сверху за счет растущих нефтяных доходов и «безвозмездной» помощи США, поставивших в Иран новейшую технику, технологии, товары и вооружение.

Успехи модернизации производили на западных и советских исследователей грандиозное впечатление: среднегодовой темп прироста ВВП вырос с 6,7 процента в 1960/61–1966/67 годах до 10,8 процента в 1967/86–1976/77 годах (второе место в Азии после Японии), размер ВВП на душу населения в эти годы поднялся с 200 долларов до 1000. В стране бурно развивалась высокотехнологичная перерабатывающая промышленность (прежде всего в области нефтехимии), была проведена аграрная реформа, которая привела к ликвидации полуфеодалского землевладения и превратила большинство крестьян в собственников ²³. В 1975 году силами немецкой *Kraftwerk Union AG* началось строительство атомной электростанции в Бушере.

Идеологическую оболочку «белой революции» формировал сам шах, наполняя арийский неоахеменидский национализм новыми мифами и целями. В своей книге «К великой цивилизации» Мохаммад Реза-шах рисовал иранское общество будущего как общество социальной справедливости, непохожее на западные социумы с овеществленными отношениями, демократическое, свободное, основанное на национальной культуре и традициях великой и древней цивилизации. Шах обещал сократить разросшийся бюрократический аппарат, а к процессу управления государством привлечь народ ²⁴. Однако трудно было понять, каким образом

²¹ Kinzer S. All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror. P. 195–196.

²² Манучихри А. Политическая система Ирана. СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. С. 167.

²³ Напр.: Halliday F. Iran: dictatorship and Development. N.Y. : Penguin, 1979. Chaps. 5ff. ; Looney R. The Economic Development of Iran. N.Y., 1973 ; Демин А.И. Социально-экономические преобразования в иранской деревне (60-е – первая половина 70-х годов) // Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования. М. : Наука, 1977 ; и др.

²⁴ Mohammed Reza Pahlavi. Toward the great civilization. L. : Satrap Publishing, 1994.

это общество будущего сочеталось с установлением в 1975 году однопартийной системы.

В концепции шаха ислам был частью современной исламской культуры, но иранская нация была явлением исключительным в сравнении с другими мусульманскими народами. В интервью от 19 сентября 1973 года шах так обозначил место иранской нации в мире: «Мы восточный народ, но мы – арийцы... Мы азиатское арийское государство, и наш склад ума, наша философия близки умонастроению и философии европейских государств»²⁵. Символичной стала смена календаря: летоисчисление отныне велось с основания Киром Великим Персидского государства, слава и величие которого, по мнению официальной историографии, «начали возрождаться с начала “белой революции”»²⁶. Интересно, что центральным столпом иранской национальной исключительности объявлялась монархия, якобы несшая в себе заряд «национального духа» и «вечные ценности»²⁷.

Жизнь иранских крупных городов производила впечатление успешно вестернизированного общества. Была проведена реформа в области женского равноправия, Тегеран стал, по воспоминаниям очевидцев, одной из столиц мировой моды, где наряды девушек были смелее парижских, а религиозные чувства иранцев, казалось, заметно ослабли. Но всего за год-полтора экономического кризиса эта видимость благополучия рухнула, закончившись Исламской революцией 1979 года. Одной из основных причин революции стала как раз ущербная этнонационалистическая идеология, разработчики которой пытались применить западные клише к иранскому обществу, искренне полагая, что от Европы оно отличается только монархическими традициями. Поэтому основное воздействие эта идеология оказывала на социальную элиту – крупную буржуазию и интеллигенцию, новые поколения которой росли в отрыве от народа (так, из 175 тысяч студентов 70 тысяч учились за границей)²⁸. Обо всех остальных слоях шах и его идеологи просто «забыли». Ремесленники, торговцы и крестьяне оказались почти исключительно под влиянием шиитского духовенства, с которым светские этнонационалисты безнадежно испортили отношения. Именно во времена Пехлеви в иранском обществе сформировался феномен сильно отделенных друг от друга «двух культур» – элитарной, почти полностью вестернизированной, и народной, крайне негативно относившейся к этим процессам и воспринимавшей шахский режим как компрадорский, продавший страну на закабаление Западу²⁹. Кроме того, около половины населения (этнические меньшинства) ощущали нажим иранизации: обучение велось только на персидском языке, людям внушали, что прежде всего они «истинные иранцы» и т.п.³⁰.

²⁵ Лукоянов А.К. Исламизация в Иране (проблемы власти) // Мусульманские страны. Религия и политика (70–80-е годы). М. : Наука, 1991. С. 162.

²⁶ Полонская Р.Л., Вафа А.Х. Восток: идеи и идеологии. М. : Наука, 1977. С. 62–64.

²⁷ Дорошенко Е.А. Эволюция исламских концепций в официальной идеологии Ирана (1963–1983) // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. М. : Наука, 1986. С. 174.

²⁸ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М. : ИБВ, 2005. С. 78.

²⁹ Kiddie N.R. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. P. 170.

³⁰ Les Kurdes et le Kurdistan: la question nationale. P. : Maspero, 1978. P. 182–183.

Причем никакого смысла быть «истинными иранцами» совершенно не было, поскольку авторитарный режим не оставлял возможности для легального проявления народной политической инициативы.

Социальной базой революции, безусловно, была средняя и мелкая национальная буржуазия. Руководящая роль духовенства и установившаяся в результате революции «муллократия» объясняется серией ошибок шаха в построении иранской нации на основе светского этнонационализма. Но удивление вызывает не роль *улама* в ходе революции, а созданная ими система, которая демонстрирует поразительную устойчивость уже более тридцати лет и только крепнет, несмотря на постоянно сопровождающие ее прогнозы аналитиков о скором крушении.

Мусульманские идеологи, прежде всего Али Шариати (1933–1977), «Вольтер иранской революции», и лидер революции Рухолла Хомейни (1902(?)–1989), умело использовали недовольство населения и идейный голод, построив свою программу не только на антишахских и антизападных лозунгах, но и на идеях реальной демократии под мудрым руководством избираемого благочестивого и просвещенного *факиха*, защитника прав обездоленных ³¹.

Кроме того, руководство провозглашенной Исламской Республики Иран пошло принципиально иным путем в отличие от проводимой политики шаха и демонстративно отказалось от иранизации национальных меньшинств. Тем не менее, требования автономии в пределах Ирана со стороны курдов, туркмен, бахтиаров и других народов с самого начала жестоко преследовались, вплоть до убийств и казней. Национализм в его светском варианте идеологи страны считают вредным явлением, ссылаясь на то, что все мусульмане вне зависимости от этнического происхождения являются единой исламской общностью, и права меньшинств были признаны только по конфессиональному признаку (христиане, иудеи, зороастрийцы).

Однако достаточно быстро стало очевидным, что непризнание меньшинств чревато распадом страны, и *улама* заговорили о национальном единстве народов страны, по сути о той же шахской «единой нации – государстве», только на конфессиональной основе ³². При этом Исламская Республика сломала порочную практику запрета на региональные языки. Сейчас можно купить газеты, книги, музыкальные записи, фильмы на языках этнических меньшинств, функционируют радиостанции и телеканалы, на местных языках ведется преподавание в школах.

Политика Исламской Республики Иран в отношении национальных меньшинств имеет многовекторный характер и состоит из многих пластов. Нельзя сказать, что проблемы этнических меньшинств сейчас полностью замалчиваются в иранских средствах массовой информации. С 1992 года публичные обсуждения ведутся в прессе, в медиа, на парламентских слушаниях. С сожалением констатируется существование неизжитых еще стереотипов «персидского шо-

³¹ Kiddie N.R. Modern Iran: Roots and Results of Revolution. P. 198–212.

³² Жигалина О.И. Этнокультурная конфликтность в современном Иране // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 276.

винизма» по отношению к тюркским народам³³. В результате, несмотря на существование автономистских движений, явные признаки сепаратизма в них отсутствуют³⁴. Но из этого не следует, что идея объединить население Ирана на персидской языковой основе ушла в прошлое.

После исламской революции фарси обрел официальный, зафиксированный в статье 15 Конституции статус единственного государственного языка. Особый статус, согласно статье 16 Конституции, имеет и арабский язык как язык Корана и исламских наук, предписывается он и как обязательный школьный предмет. В первые годы после революции властями предпринимались попытки насаждения арабского, но энтузиазма среди населения они не вызвали. Поэтому интеграция общества в «исламскую общину – единую нацию» ныне проходит на базе фарси, препятствуя национальному строительству азербайджанцев, туркмен, курдов, белуджей и других этносов. Аятолла Хаменеи рассматривает фарси как второй сакральный язык, как одну из основ иранской нации в рамках исламского государства, поскольку распространение ислама в Средней Азии и на Индостане проводилось силами персоязычных народов. Мысль о фарси как одном из официальных языков международных исламских организаций не раз высказывалась на разном уровне. Так, в декабре 2001 года на саммите Организации Исламской конференции в Тегеране подобное предложение озвучили тогдашний президент Исламской Республики Иран Мохаммад Хатами и сам рахбар Хаменеи, но поддержки идея не получила, зато в 2006 году персидский язык был объявлен одним из языков Шанхайской организации сотрудничества, наряду с русским, китайским и английским, хотя Иран имеет в этой организации статус наблюдателя, а не полноправного члена³⁵.

Стали возрождаться и мотивы исторической памяти доисламской эпохи, которая сразу после революции отрицалась категорически и не подлежала изучению в школе. После смерти имама Хомейни этот запрет был снят, постепенно возвратились в культурную жизнь страны и отсылки к славному доисламскому прошлому, и «Шахнаме» Фирдоуси, и иранская мифология. Иранские исследователи трактуют зороастризм как первую монотеистическую религию, а малообразованные ремесленники и крестьяне цитируют «Шахнаме» наизусть и ссылаются на этот эпос в разговоре³⁶.

Кросс-культурное исследование, проводившееся в 2000–2001 годах в Египте, Иордании и Иране, выявило, что население Ирана, где этнический национализм не пропагандируется и на официальном уровне отрицается, где в основе идеологии лежит религиозная идентичность, а не гражданско-государственная в отличие от Иордании, демонстрирует гораздо более высокий уровень

³³ Shaffer B. *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*. Cambridge : Massachusetts : L. : MIT Press, 2002. P. 77–114.

³⁴ Tohidi N. *Ethnicity and Religious Minority Politics in Iran* // *Contemporary Iran: Economy, Society, Politics* / ed. by. Ali Gheissari. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. P. 299–317.

³⁵ Месамед В.И. Фарси как интегрирующий фактор в Исламской Республике Иран / Институт Ближнего Востока. URL : <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/11-10-06b.htm>

³⁶ Ashraf A. *Iranian Identity*. P. 528.

национальной самоидентификации и более низкий уровень религиозной, чем в Египте и Иордании. Из респондентов 24 процента определили себя как «иранцев прежде всего», в то время как в Иордании этот показатель равнялся 14 процентам, а в Египте – 10. Большинство жителей Ирана гордятся тем, что они иранцы, и чем ниже уровень образования, тем больше гордость и чувство национальной идентичности³⁷. То есть совершенно очевидно, что религиозный национализм намного дальше продвинулся по пути создания иранской нации, чем идеология светского национализма. Не последнюю роль в объединении общества сыграла и политическая система Исламской Республики Иран, где было осуществлено право нации на суверенитет, имманентно присущее любому национальному движению.

Со времен исламской революции 1979 года выборы органов государственной власти в стране, в том числе и президента, проходят регулярно. Президент не имеет права занимать свой пост более двух сроков по 4 года.

Но президент не есть верховная власть Ирана. Главой страны является рахбар – признанный религиозный правовед (факих), чья компетентность не вызывает сомнений. В 1989 году, после смерти отца революции имама Хомейни, на особом Совете экспертов, состоящем из 86 человек, рахбаром был избран аятолла Али Хаменеи, исполняющий эти обязанности и по сей день. А власть президента сильно ограничена полномочиями меджлиса (парламента) и рахбара, который является Главнокомандующим Вооруженными силами Исламской Республики Иран.

В настоящее время официальная религия не изменилась по сравнению с Конституцией 1906 года; свободу в отправлении обрядов имеют все мусульмане, а также зороастрийцы, иудеи и христиане, которые именно в таком порядке перечислены в статье 12 действующей Конституции как признанные религиозные меньшинства.

Сейчас политическая система Ирана базируется на Конституции, принятой на референдуме 2–3 декабря 1979 года с изменениями, внесенными в 1989 году после смерти аятоллы Хомейни, лидера исламской революции, и расширившими компетенцию главы государства – лидера исламской революции (рахбара).

Исламская Республика определяется в статье 2 Конституции Ирана как система правления, основанная на вере в единого Бога и установление Им законов шариата, в Божественные откровения, Страшный суд, Божественную справедливость и преемственность имамов. Последняя идея является одной из основных догм шиизма и заключается в вере в двенадцать непогрешимых имамов, правивших в VII–IX веках, последний из которых таинственным образом исчез (был сокрыт) и должен возвратиться как Махди, мессия, пришествие которого уничтожит несправедливость на земле. В период великого отсутствия двенадцатого имама руководство уммой Ирана возложено на факиха (знатока мусульманского права – фикха), который должен непременно обладать высокими мораль-

³⁷ Moaddel M., Azadarmaki T. The Worldviews of Islamic Publics: The Cases in Egypt, Iran, and Jordan // Comparative Sociology. 2002. N 1/3–4. P. 299–319.

ными качествами. Высшей задачей факиха является ведение общества по предначертанному Аллахом пути к идеальному исламскому общественному устройству, где не будет неравенства. Эта концепция, сформулированная аятоллой Хомейни в 1971 году, носит название *вилаят-е факих* – правление факиха.

На законодательном уровне на руководство Ирана возложены обязанности по развитию моральных добродетелей общества, борьбе против разврата и укреплению инициативы и духа исследования во всех областях науки, техники, культуры и ислама.

Логично предположить, что подобный клерикализм, тотальная идеология, ориентированная на основы вероучения, которые были заложены почти полтора тысячелетия назад, должны стать причиной искусственной стагнации общества и серьезных внутренних конфликтов. Такая опасность для Ирана существует, но она меньше, чем кажется стороннему западному наблюдателю, в силу специфики религиозной и политико-правовой культуры шиизма. Эта ветвь ислама больше открыта для реформации, чем суннитское направление. Выступая в качестве передатчика воли «сокрытого» имама, шиитские богословы более свободно интерпретируют Коран.

Одним из основных терминов иранской Конституции является народный суверенитет, понимаемый как власть народа над своей судьбой. В статье 56 Конституции приведено религиозно-философское обоснование незыблемости народовластия в Исламской Республике: «Абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу, который дал человеку власть над своей общественной жизнью. Никто не может отобрать у человека это Божественное право либо поставить его на службу интересов какого-то человека или группы людей. Народ осуществляет это право, данное Богом». Суверенитет воплощается через три ветви власти под контролем уммы Ирана и имама-рахбара.

Выборы рахбара являются многостепенными; обязанность избирать лидера нации возложена на Совет экспертов, причем самовыдвижение на этот пост невозможно. Совет экспертов в свою очередь избирается всенародным голосованием на восьмилетний срок и состоит в настоящий момент из 86 деятелей, имеющих звание муджтахидов и абсолютно лояльных идеям исламской революции. Совет экспертов собирается каждые 6 месяцев с целью обсудить качество деятельности рахбара и обновить список кандидатов на его замену.

Законодательную власть осуществляет меджлис Исламского совета, который насчитывает в настоящее время 290 депутатов, избираемых на 4 года по мажоритарной системе. К кандидатам в депутаты предъявляется масса требований. Не могут стать депутатами меджлиса граждане, имевшие опыт работы министром или заместителем министра, послом, генерал-губернатором провинции, депутатом меджлиса прошлых созывов, членом городских или провинциальных советов. Эти ограничения призваны обеспечить ротацию политической элиты и затруднить процесс коррумпирования законодательной власти.

Президент Ирана – глава исполнительной власти и второе лицо после рахбара. Возможности президента существенно ограничены меджлисом, при этом

очень подробно проработана ответственность. Неприкосновенностью второе лицо государства не обладает. Меджлис может принять решение о несоответствии президента занимаемой должности. Верховный суд может вынести заключение о нарушении главой исполнительной власти своих полномочий. После этого рахбар подписывает приказ о смещении президента с поста.

На местном уровне зависимость исполнительной власти от органов народного представительства выражена еще сильнее. Провинциальные, городские, сельские советы формируются путем всеобщего голосования в регионе по мажоритарной системе. Они отвечают за избрание мэров, определяют стратегию экономического и социального развития округов, от которых они избраны, и полностью контролируют деятельность муниципалитетов.

Бросается в глаза отсутствие в Иране пропорциональной системы выборов, так характерной для большинства западных буржуазных демократий, хотя политические движения существуют и играют определенную роль. В Иране более 200 политических организаций, которые имеют необычный для европейца характер: большинство не имеет постоянных партийных структур и даже не регистрирует членство, что не мешает им группироваться в три традиционных лагеря: консерваторов, реформаторов и центристов.

Описанная политическая система, закреплённая в законодательстве, отличается от самой демократической конституции в мире, основного закона СССР 1936 года, тем, что она работает. Естественно, не идеально. Но все выборы альтернативны, высшие чиновники регулярно лишаются своих кресел после вотума недоверия в парламенте.

Уровень жизни в Иране нельзя назвать высоким, велико социальное расслоение, но даже массовые протесты после выборов 2009 года, количество участников которых в разных источниках отличаются почти в десять раз³⁸, – это протесты образованной молодежи мегаполисов. Мелкая и средняя буржуазия и крестьяне продолжают поддерживать существующий строй, да и степень радикальности оппозиции не стоит преувеличивать. Противоречия между общественными стратами, этническими и конфессиональными группами сглаживаются верой иранцев в то, что народ является единственным источником власти и может ее контролировать.

Есть ли в Иране сейчас нация? Ни персы, ни другие этносы Ирана ранее нациями не являлись. Но современная иранская полиэтническая нация уже более столетия формируется на персидской этнокультурной основе, и политическая система Исламской Республики, ее идеология, как ни парадоксально, придали этому процессу новый импульс. И вряд ли в стране с низким уровнем образования и жизни населения вообще возможен гражданско-политический национализм без религиозной составляющей. Есть ли у этой системы перспективы дальнейшего

³⁸ Fresh rally takes place in Tehran // BBC News. 2009. 18 June. URL : http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/8104466.stm (дата обращения: 15.01.2011).

развития, обретет ли иранская нация лингвистическое единство – все это в условиях современности скорее зависит от внешних факторов, чем от внутренних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности [Текст]. – М. : ПЕР СЭ, 2008. – 528 с.
2. Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные [Текст]. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 512 с.
3. Ланда, Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги [Текст]. – М. : ИБВ, 2005. – 286 с.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 [Текст] / сост. И.В. Козьменко. – М. : Госполитиздат, 1952. – 463 с.
5. Iran // CIA – The World Factbook [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html> (дата обращения: 14.01.2011).
6. The Encyclopaedia of Islam [Text]. – New Edition : Leiden, 2004.

E.S. Galkina

THE NATION FORMATION AND THE NATIONALIST MOVEMENT IN IRAN

The paper highlights the dialectical connections between the Iranian nation formation and the transformation of Iran's ideological and political system. Some economic, political and sociocultural reasons have brought about the failure of the official secular "Aryan" nationalism and have triggered off the national religious ideology.

Iran, ideology, Islam, nationalism, the 20th century.